"Неужели вы не имели этого в виду?" - спросила я со слезами на глазах, словно на самом деле желая, чтобы горничная передо мной меня подтвердила. Мне больше не хотелось слышать её голос, он раздражал меня, как жужжание мухи в ушах.

Дженис, не зная моих мыслей, энергично кивнула головой, удивительно напоминая болванчика Гарри Поттера, стоявшего на моей книжной полке в прошлой жизни.

"Нет! Совсем нет. Я-я клянусь, ваше высочество, что слова, сорвавшиеся с моих уст, так же лживы, как фраза "небо зеленое". Это не в моих привычках! Какая-то необычная болезнь или сезонный грипп должны были одолеть меня в этой жаркой комнате. Нет! Нет, нет, это Акира нашептывал мне на ухо. Он повлиял на меня, чтобы я сказала эти жестокие слова!" - отчаянно воскликнула Дженис, её глаза широко распахнуты, словно удерживая слёзы.

Какая жалость, похоже, она действительно больше всего хочет работать где-нибудь ещё во дворце. Но с её нынешним отношением, я, вероятно, делаю ей одолжение. В будущем она могла бы разозлить не того человека и лишиться головы.

Однако я совершенно не чувствую за это угрызений совести. Интересно, чего ожидала эта горничная, отправившись по этому безрассудному пути. Должны быть более простые способы перевестись из дворца. Я позволяю своему лицу принять безразличное выражение и освобождаю настоящую Зиму. Сердитую, горькую Зиму, ненавидящую свои обстоятельства. Ту Зиму, которая предпочла бы разорвать сценарий на части и позволить всем испытать последствия, вместо того, чтобы ещё раз прочитать проклятую реплику.

"Значит, ты солгала мне, Дженис?" - спросила я мрачно.

Горничная уловила перемену в моём тоне, и её крепкая хватка на моей ноге ослабла немного.

"Если ты собираешься солгать мне, хотя бы делай это хорошо. Потому что нет ничего, что я ненавидела бы больше, чем плохого лжеца".

На самом деле, я не люблю мятные конфеты и мою сводную сестру гораздо больше, чем бедных лжецов. Но это звучит как реплика из фильма, и я довольно неплохой лжец, так что я могу себе это позволить.

Дженис отпустила меня, как будто я был чумой, глядя на меня так, словно я сам дьявол, нет, сам Акира. Акира, похоже, является эквивалентом Сатаны в этом мире, и многие люди используют его имя как ругательство. Я улыбаюсь ей сверху вниз, но ничего больше не говорю.

Время идёт, и если я застряну в немой беседе с этой горничной, люди подумают, что что-то замышляется. Схватив мускулистый кусочек моего бедра, который за последний месяц здорово округлился, я резко выкручиваю его, пока на глаза не наворачиваются слёзы.

"Мари!" - драматично взвываю я, бросаясь в объятия няньки.

Она закрывает мне лицо, чтобы я не видела, как Дженис уводят из моего дворца, и я ничего не слышу, потому что Дженис больше не кричит, как банши, что является приятной переменой по сравнению с тем, что было до моего разговора с ней. Завтра на моих бёдрах будут два синяка, но это того стоило.

В воздухе чувствуется едва уловимое изменение, и я знаю, что эти слуги, которые презирали меня в прошлом, дважды подумают, прежде чем открыто оскорблять меня, как ничтожество, и смогут защитить своё прикрытие в качестве невинного крестьянина, почти не разбирающегося

в дворцовой политике.

Ситуация win-win, если вы спросите меня.

С исчезновением Дженис я быстро утираю слёзы и продолжаю обходить всех, кто работает в моём дворце. Никто не решается встретиться со мной взглядом, и я спускаюсь по ряду без происшествий. На другом конце меня ждёт слишком знакомое лицо.

"Ты!" - восклицаю я с удивлением.

Темноволосая горничная, которая пыталась заступиться за меня во Дворце Заката, стоит последней в ряду и к тому же самая низкая. Её миловидное лицо смотрит вниз в смущении, и мне приходится сдерживать себя, чтобы не погладить её по голове, ведь я тоже ребёнок. Все в очереди шокированы моим возгласом, и Мари спешит ко мне, на её лице вопросительный знак.

"У вас была какая-то проблема с этой горничной, ваше высочество?" - быстро спрашивает она.

Я качаю головой с улыбкой.

"Эта горничная пыталась спасти меня, когда я была во Дворце Заката, - говорю я с пафосом. - Если бы не она, думаю, никто бы и не узнал, что я там была".

Лицо Мари светлеет.

"Так это та самая молодая горничная, о которой вы мне рассказывали, ваше высочество".

"Да! И я хочу, чтобы она стала моей соигрницей!" - объявляю я. Все в очереди с удивлением смотрят на юную горничную, и она еще больше съеживается в себе, её плечи практически касаются ушей. Должно быть, она застенчива. Видя её нервозность, я испытываю ещё более тёплые чувства к ней, ведь это было невероятно храбро с её стороны попытаться вытащить меня из-под живой изгороди, а затем спорить с ужасающим сэром Берриком.

Я игнорирую традицию, которая потребовала бы от темноволосой горничной присесть в реверансе передо мной, и протягиваю ей правую руку. Она вздрагивает от моего внезапного движения, но, осознав, что это просто моя маленькая ручка, протягивает свою. Её руки ледяные и невероятно сухие, но я крепко сжимаю их, чтобы она не увидела, как я морщусь от её прикосновения.

"Как тебя зовут?" - спрашиваю я мягко, словно обращаясь к беззащитному олененку.

"Эмма.. ваше высочество", - тихо отвечает Эмма. Я дружелюбно улыбаюсь, и робко, как солнце, выглядывающее из-за туч, я вижу мерцание белых зубов, когда она осторожно улыбается в ответ. Эмма кажется достаточно умной девушкой, и я уверен, что мы будем отлично ладить в будущем.

Пока я с надеждой смотрю на наше будущее время, у Дженис все пошло наперекосяк. Она давно перестала извиваться в объятиях слуг, так как это только навредило ей. Унижение было почти невыносимым. Её левая туфля зацепилась за неровную плитку и соскочила, оставив её чулочную ногу торчащей из-под юбки. Волосы и макияж Дженис, за которыми она тщательно ухаживала каждое утро, на случай встречи с симпатичным джентльменом, были размазаны и испорчены, её рука запачкана чёрным, когда она вытирала слезу.

Дженис никогда не думала, что окажется в такой ситуации. Когда она проснулась в то самое

утро, это был обычный день, как всегда. Её позорное увольнение сейчас казалось кошмаром, а не реальностью. Но она чувствовала взгляды и перешёптывания служанок, которые её знали, и ужасную смесь жалости и презрения в их глазах. Если бы был хоть малейший шанс ослабить руку и освободиться от хватки слуг, чтобы плюнуть в них.

Все знали, откуда она пришла, потому что слуги были известны как персонал проклятого Розового дворца. Ей с этим не справиться. Даже после того, как её жестоко вытащили из дворца, в конечном итоге на улице все узнают, что Дженис была насильственно изгнана за незаконное поведение члена королевской семьи. Чтобы спасти себя, ни один уважающий себя предприниматель не наймёт её, кроме борделей.

Лицо Дженис исказилось в уродливый оскал. Она заплатила самую высокую цену, чтобы войти в прекрасную, но смертельную игру дворца. А что насчёт этой глупой принцессы? Она ничего не заплатила, но ей повезло иметь золотые глаза и быть замеченной нужными людьми? На самом деле Дженис уверена, что тот, кто присматривал за этой королевской избалованной девчонкой, специально попался королевской гвардии, чтобы извлечь выгоду из платы за укрытие члена королевской семьи.

Принцесса Зима не заслуживает быть здесь, в королевском дворце. Это должна быть я! Всё идёт не так, как надо. Она могла только с плотно сжатой челюстью наблюдать, как слуги начали тащить её к знакомой местности. Стены больше не были тонким мрамором и золотом главного дворца, дальше, где не ступала нога благородных, стены были серыми и покрыты выбоинами.

И запах тоже.. Дженис поклялась, что, войдя во дворец, она никогда больше не будет дышать зловонным воздухом главных служенских помещений, и вот меньше чем через две недели она вернулась сюда. Этот участок дворца кишел ещё большим количеством слуг и горничных, чем раньше, и все они смотрели на неё с насмешкой в глазах из-за её жалкой судьбы.

"Вот та самая служанка, о которой я вам рассказывал. Да, та, что клялась, что обязательно выйдет замуж за знатного человека".

"Красива снаружи, но глупа внутри. Я и не ждал от простой деревенской девчонки ничего другого".

"О, неужели только вчера мы видели, как она важно расхаживала тут, заносчиво задрав голову. Как печально".

Злобные шепотки достигли ушей Дженис и довели её ярость до лихорадочного градуса. Как смеют эти низкие существа разговаривать с ней в такой грубой манере? Она знала, что они просто завидуют, потому что у неё был больший шанс, чем у любого из них, продвинуться в жизни. Те изящные блюда, из которых ела Зима, однажды и она будет принимать пищу. А эти маленькие платья из органзы, в которые каждое утро специальные горничные одевали Зиму? Дженис когда-нибудь будет облачена в ещё более изысканные наряды!

Солнечный свет ударил Дженис в лицо, показывая, что она больше не в служенских помещениях. Теперь между ней и внешним миром стояли только ворота для слуг, охраняемые двумя стражниками. Запрокинув голову ещё выше, чтобы видеть, в каком направлении её тянут, Дженис покрылась холодным потом от того, как быстро слуги тащат её к охранникам.

"Подождите!" - испуганно закричала Дженис, возобновив борьбу.

"Перестань вырываться. Тебя освободили от службы. Даже если бы ты каким-то образом

сбежала от нас и вернулась, тебя бы просто бросили в темницы за незаконное проникновение в императорский дворец", - раздраженно рявкнул один из слуг. Дженис скривила губы в его сторону, поклявшись когда-нибудь отомстить.

Другой слуга усмехнулся, глядя на её выражение лица, а затем, не предупреждая, резко отпустил Дженис. Она грубо упала на землю, больно подставив локти под тяжесть падения.

"Эй!" - рявкнула она, разъярённая таким обращением. Все остальные горничные в Розовом дворце ходили вокруг неё на цыпочках, а эти двое были так небрежны с ней. Слуги не обратили на неё внимания, игнорируя, пока она лежала на полу.

"Позаботьтесь об этом, хорошо?" - сказал помощник охраннику. "Эта горничная была неуважительна к ее высочеству, принцессе Зиме, и заставила ее плакать. Ее услуги в дворце были прекращены. Пожалуйста, проводите ее."

В его словах чувствовалось особое ударение на "проводите", и живот Дженис сжался.

"Не беспокойтесь об этом", - пообещал охранник. Дженис посмотрела на него и почувствовала, как ее сердце опускается еще ниже. Охранник не был королевским стражником и даже не был красив, так что соблазнить его было бесполезно. Без церемоний охранник схватил ее за травмированную область, за которую держали ее слуги, и буквально выбросил ее из дворца, словно она был мешком картошки.

"Незваные гости не приветствуются!" - рявкнул он, прежде чем повернуться к своему напарнику, и они оба похлопали друг друга по спине, посмеиваясь над своей плохой шуткой. Ягодицы Дженис будут испещрены синяками, если она доживет до утра.

Улицы за пределами императорского дворца были оживленными, и немногие обращали внимание на то, что Дженис буквально вышвыривают оттуда. Она осталась без средств, даже без возможности получить свою зарплату за последние две недели. Дженис медленно поднялась на ноги, ее тело дрожало от жестокого обращения. Все произошло так внезапно, ей казалось, что она едва успела моргнуть, как оказалась за пределами дворца, имея при себе лишь одежду на своей спине.

Люди начали оглядываться на опозоренную горничную, стоявшую перед служебным входом, поэтому Дженис начала медленно уходить, ее мечты рассыпались на куски. Если она вернется в свою деревню, она станет посмешищем, отвергнутой женщиной, которая отвергла всех достойных мужчин, только чтобы быть отвергнутой самой. Дженис прикусила губу так сильно, что выступила кровь, металлический вкус которой покрыл кончик ее языка. Она предпочла бы умереть, чем вернуться в родной город, решимость не возвращаться помогала ей ставить одну ногу перед другой.

Один квартал отделял ее от ее мечты, затем два. Тихие, яростные слезы текли по ее лицу и душили ее горло. Если бы только она могла заставить принцессу Зиму почувствовать то же самое безнадежное, гневное чувство, будучи выброшенной из дворца, Дженис пожертвовала бы всеми своими мечтами о богатом замужестве, чтобы добиться этого.

"Плохой день?" - спросил кто-то, с улыбкой в голосе, сразу после того, как Дженис вошла в переулок, чтобы пролить еще несколько слез.

http://tl.rulate.ru/book/30200/3807618